

Вопрос на засыпку: что в имени твоём?

Логика простая - назвался «ЛитНовостями», так и подавай новости (мы еще хлебом горя с этой логикой). От «Литературной газеты» всю жизнь требуют быть литературной, а от «Москвы» хоть каким-то боком соответствовать Москве... Хуже всех пришлось «Правде» - от нее потребовали правды. «Октябрь» постоянно и стыдливо объясняет окружающим, что хотя он и «Октябрь», но вовсе не тот Октябрь, ничего общего... Такая комическая ситуация. Хотя по безвыходности своей в чем-то и драма.

Когда новая газета назвалась «Независимой», это было похоже на выброшенную красную тряпку: ведь по большому счету нет ничего независимого. Сама газета, похоже, со временем поняла это, но отчаянно продолжала уверять по каждому поводу: независимая, поверьте, не зависима ни от кого и ни от чего... Мотив этот был едва ли не главенствующим в проторных десяти статьях Андрея Немзера, одного из блестящих критиков наших дней. В «Независимой» он взял на себя труд и смелость оценить - беспристрастно, безоглядно! - подряд все наши литературные ежесекунды. И этой своей безоглядностью огорошил: над «Новым миром» ему скучалось, зато с веселой хлесткостью отделил тишайшую и бесконечно либеральную санкт-петербургскую «Звезду». А из «Октября», вроде бы и преуспевающего, вообще сделал посмешище. Статья о нем называлась «Все блещит...» (25.12.91) и была в основном посвящена тому факту, что вся проза этого журнала с некоторых пор существует исключительно за счет перепечатки давно известного по «самиздату» и «тамиздату» (отсюда и ядовитый подзаголовок статьи: «Суп из Парижа доставлен в «Октябрь»).

У Немзера по всему выходило, что верхняя строчка его хит-парада по праву принадлежит одному-единственному журналу - «Знамени». Журналу, в котором все более-менее в порядке, и без всякой иронии можно сказать о редком совпадении названия с сутью, - не в том, конечно, постылом понятии, что, дескать, «знамя литературного процесса», маяк и правофланговый, а в том житейском, когда вот держат люди марку, дорожат писательским званием, не пробавляются перепечатками, а худо-бедно двигают вперед отечественную словесность - все свое, собственным трудом добытое. Нужно заметить, что за такое благорасположение к «Знамени» потом Немзеру серьезно влетело; и от кого, вы думаете? - от публиковавшей его «Независимой» (вот времена!). Покончив с обзором, она поместила письмо санкт-петербуржца В.Торопова, который уже в заголовке мило обозвал обзоры «Двойным портретом пай-мальчика». Да, не любит «НГ» своих авторов, чуть что - подводит их под монастырь!..

Но оставим проблему Немзера самой «Независимой», штатным сотрудником которой он является. Нас в этой истории интересует прежде всего общественный индекс журнала «Знамя». Только что вышел февральский номер, украшенный новым бело-сине-красным

бантом на обложке (тоже читай: если мы и стяг, то не тот, который...).

Скажут: эка новость! Но и мы можем сказать: а чем не новость? Разве каждая ежесекундная книжка не должна, не обязана быть новостью, доброй вестью для читателя - а иначе зачем ее и выпускать!

У этой же оправдание великолепное: публикация частной переписки Варлама Шаламова с Надеждой Мандельштам, двоюродного поэта. Они состояли в близком знакомстве, были единомышленниками, во второй половине 60-х интенсивно переписывались - бывало, ответ на другой день: о своем сокровенном, о состоянии литературы, бедах общества.

Ах, какой это мощный и смелый разум, Варлам Шаламов, так и не оцененный нами до конца! Какой выплеск того миропонимания, какого никогда не знали самые «отчаянные», вроде Эренбурга или Симонова. Здесь же полное равнодушие к каким-либо стереотипам и политесу - вот уж действительно независимость - до парадокса, до испуга у милейшей Надежды Яковлевны. Он ей: «Если бы мне пришлось читать курс литературы русской последнего полувека, я начал бы первую лекцию, как Парцельс, - сжег бы все учебники на площади перед студентами; на что она в ответном письме умоляет: «Я думаю, что учебники не надо сжигать... Давайте просто ими не пользоваться».

Он способен отозваться о всеобщих кумирах: «у Кузмина не было главного, ради чего пишут стихи», или о Багрицком: «ничтожный поэт». После стычки с Ивинской Шаламов решительно порвал с Пастернаком, считая, что у того все «вдруг обернулось малодушием, трусостью, недостаточностью не только поэта...» И это-то о небожителе! Что же говорить о Тынянове или Маршаке, об «омерзительном» поступке Ильфа и Петрова, заклеивших русскую интеллигенцию в лице Васисуялия Лоханкина... Даже о Маяковском несправедливо: «нечто вроде Василия Каменского, только тот большой новатор». Даже о Гумилеве: «испорчен Брюсовым». Инда и повторять за ним как-то боязно. Однако Шаламова меньше всего волновало, будут ли за ним повторять, найдет ли сторонников и согласных, - он мыслит, как дышал, и еще тогда, в 60-е, смел написать в почтовом письме, что общество наше, люди наши - сплошная страсть пожаловаться по начальству и у него же испросить разрешение на любую малость; конформизм послушания, переплетенный с ненавистью к уму соседа, к интеллигентности как таковой. «Это и желание написать донос раньше, чем написали на тебя; это и стремление каждого быть каким-то начальником, ощутить себя человеком, причастным к государственной силе. Это и желание распоряжаться чужой волей, чужой жизнью. И главное всего - трусость. Говорят, что на свете хороших людей больше, чем плохих. Возможно. Но на свете 99 процентов трусов, а каждый трус после порции угроз превращается вовсе не в просто труса».

Это вам уже и не Пастернак даже, тут глобальней! Но

только он имел право так сказать о несчастном своем народе, измордованном, исполу выбитом. Потому что принадлежал ему каждой частицей и души, и судьбы, любой своей незапятнанной строкой. Как мало кто он своей личностью персонифицировал то, о чем писал: «Лучшие нравственные силы России, ее лучшие люди гибли поколение за поколением... Пошлость была спущена с цепи, чтобы оплевать самое ценное в русском обществе». Но при этом: «Интеллигенция не умрет, как не умрет жизнь, как не умрет искусство. Искусство, мысль, талант бессмертны. Убить всех нельзя».

Шаламовское «не умрет жизнь» радирует во все концы журнала, создавая напряженное поле во всех жанрах. И проза - несчастный колхозный председатель в повести белоруса Виктора Козько «Спаси и помилуй нас, черный аист» - где-то прямо репродуцирует шаламовские мысли о состоянии нашего общества. И поэзия - элитарный А.Кушнер, вдруг: «Постой в очередях со мной, родная тень». Такой всегда рассудительный Даниил Гранин в очерке про Германию («Этому нас не учили») нет-нет да срывается до крика, не хуже того председателя: «Спустя пять десятилетий после войны мы выглядели жалко. Победители, которые ходят с протянутой рукой. Они за эти годы разбогатели, отстроились и стали могущественной страной. Мы никак не могли забыть, что мы победили. Прошло полвека, а

мы все продолжаем носить лавровый венок. Были ли у нас какие-нибудь другие заслуги за эти десятилетия? Чего мы добились, каких успехов? Может, ничего и не было?» И публицистика Бориса Славного («Гражданское общество или гражданская война?») начинается с тех же вопросов к нашему сегодняшнему: «Странный какой-то капитализм, умножающий деньги, но не товары и услуги. При капитализме все как раз наоборот... «Наш» социализм естественно перерастает в «наш» капитализм, и это чревато новыми потрясениями».

Когда присутствует на страницах мысль такой силы и охвата, как у Шаламова, - кажется, что все ей отвечает и резонирует, все в рифму... Хотя, понятно, нельзя вовсе сбрасывать со счетов и разумное начало в этой архитектонике, иначе чем бы журнал отличался от «братских могил» сборников и альманахов?

Зачем-то же поставлены рядом, одна за другой, повести почти близнецовской схожести: «Ленин на «Амре» Фазила Искандера и «Заколдованная страна» Вячеслава Пьецуха. Родственны авторы и в том, что одинаково модны в наши дни, заласканы критикой до того, что стали позволять себе все больше кокетства в письме, откровенной заботы о поддержке определенной для них имиджа. Чтобы читатель ни на минуту не забывал, что имеет дело с остроумным человеком, иронистом, способным прикритыться с усмешкой от любой угрозы. Даже если речь идет - как у Искандера - о бедах, нанесенных народу ленинизмом, выросшим на полной беспощадности к человеку. Или как у Пьецуха, который на сорока журнальных страницах сумел собрать целую энциклопедию наших сегодняшних «скаргов и препозиций» относительно властей. Да еще и снабдить все это собственной версией исторических превращений русского национального характера (до тех пределов, что так выразительно обозначены Шаламовым). Когда же собрания сочинений Пьецуха бережно вберут в себя все им написанное, - войдут в «нетленку» и все наши сегодняшние байки, обиды, прожекты и проклятия, фольклор очередей, застолий и парламентских дебатов. Как озорной «Золотой осел» донес неподдающиеся историкам подробности и саму атмосферу давно истлевшей реальности.

Я же, читая обе повести уже после Шаламова, постоянно испытывал чувство, что истинное их родство - в этой целомудренной скрываемой за иронизмами постоянной тревоге за мир и человека, в шаламовском «не умрет жизнь». При всей карнавальности сюжетов: в одном случае история некоего сумасшедшего, всю жизнь преподававшего ленинизм и в конце концов вообразившего себя самим Владимиром Ильичом, с удивительной достоверностью имитируя его речь, повадки, образ мысли; в другом, у Пьецуха, - разговор на обшарпанной кухне нескольких случайных собеседников, один чудней другого, о наших бедах. Наругавшись власть и разоблачив современного человека («Вот даже у коровы на входе

клевер, а на выходе, скажем, навоз, который обеспечивает плодородие; у человека же на входе, скажем, «Пролетарии всех стран объединяйтесь» или «Возлюбите врага своего как себя», а на выходе «Смерть троцкистским выродкам», «Бей жидов, спасай Россию», обнаружив полное тождество христианства и коммунизма (если считать его безленинизмом, - тот же тезис, что и у Искандера), герои Пьецуха под занавес организуют некую Христианско-коммунистическую партию Советского Союза, - употребление при этом чистого спирта придает акции особенно колоритный характер...

Е.Шкловский в последней «Литгазете» напрасно выставил Варлама Шаламова в образе главного прокурора по делу о русском писательстве: «...обвинял отечественную классическую словесность в причастности к трагедиям XX столетия, к главным историческим преступлениям века». Шаламов был меньше всего похож на нынешних зоилов, расплывшихся бесцельно: не падут и не пишут, только носят и обличают - «до основания, а затем...» Тут бы они удобно отмылись: вон и Шаламов такой же!.. Но Шаламов был столь позитивной, как еще недавно сказали бы, фигурой, столь оптимальной, что, право же, зоилам с ним никогда не побрататься. Читайте в его письмах: да, «утрачена связь времен, связь культур - преемственность разрублена», но тут же: «и наша задача восстановить, связать концы этой нити» (хотя и следом по-шаламовски резко неуступчивое: «В поисках этой утраченной связи, этой ариадниной нити разорванной, молодежь тянется наугад, цепляясь даже за Мережковского, что ранит мое сердце очень глубоко, Мережковский - очень неподходящая фигура»).

Восторженно говорит он о своем любимом акмеизме, жизнедеятельном и несдающемся: «Доктрина, принципы акмеизма были такими верными и сильными, в них было угадано что-то такое важное для поэзии, что они дали силу на жизнь и на трагическую смерть». В романтическом ореоле встают из писем образы Мандельштама, Ахматовой, Гумилева - акмеистов, отдавших жизни «за живую жизнь». А рядом фигура уже всем нам хорошо знакомая Фриды Вигдоровой, всегдашняя писательских тусовок, участницы пикетов в суде над тунейдцем Иосифом Бродским, - Шаламов о ней пишет так: «Мне кажется, что Фриде Абрамовне было бесконечно стыдно за советскую власть - и она бросилась заделывать пробоины, латать, исправлять, добиваться отмены ложных и грубых решений».

Для него это не разные образы, а скорее единое, прозреваемое как облик истинного писателя: все в одном - и горный полет, и дворничий этот труд по латанию и заделыванию пробоин. «Поэт выражает век именно обыденностью своей судьбы. Это не моя формула. Тут, мне кажется, дело не в обыкновенности, а в нравственной ответственности, которую принимает на себя поэт».

Так говорит нам Варлам Шаламов, гулаговский ээк, человек из будущего.

Алло, мы ищем автора!

Можно с уверенностью сказать: ни один русский поэт (может быть, за исключением Есенина) не пользовался при жизни такой всенародной любовью, как Владимир Высоцкий.

После его трагического ухода возникло множество стихов, отражающих горечь утраты, личное отношение к поэту. Стихи возлагали на могилу безымянные авторы, собирав ЦГАЛИ, печатали газеты.

Москвич И.Повицкий из многих тысяч стихотворных посвящений отобрал лучшие для сборника «Венок Высоцкому». Эта антология (13 авторских листов) - яркое свидетельство народной любви, памяти поколения. Она включает стихи как известных поэтов, так и безымянных авторов. Вступительную статью написала Римма Казакова.

К сожалению, ввиду трудностей с бумагой, публикация сборника пока под вопросом. Спонсоры и издатели, откликнитесь! Такая книга оправдает себя, принесет вам не только прибыль, но и славу. Телефон Иосифа Львовича Повицкого - 259-79-86.

Сегодня мы открываем рубрику «Алло, мы ищем автора!» Может быть, откликнется неизвестный автор этого стихотворения.

Судя по заглавию, не исключено, что живет он в Большом Каретном или прилегающих переулках Москвы.

ОТ БОЛЬШОГО КАРЕТНОГО

«Спи, шансонье вся Русии...»
Какое, к черту, спи:
работай, пой, буди, тряси,
толкай из колеи!

Какой ты, к бесу, шансонье -
по-русски сердце рвал!
Свои разлуки не на лье -
на версты ты считал.

Ведь ты нам всем родня, дружок,
а не эстрадный бог,
и в наших душах ты зажег
свой вечный огонек.

Ты приходил к нам вечерком,
по-русски чай хлебал,
своим российским говорком
вдруг в разговор встречал.

Сидишь ты с нами, как всегда,
по-русски с нами пьешь,
и хоть с тобой стряслась беда -
нам, как всегда, поешь.

По-русски спорим во всю мочь
о времени своем.
Ты приходи к нам в ночь-полночь -
поспорим, попоем!

В Большом Каретном ты теперь
прописан на века.
Входи, браток, в любую дверь -
Россия велика!

09.02
Шаламов Варлам